

Воспоминанія стараго педагога.

VIII ¹⁾.

Моя личная жизнь.—Скудость средств.—Дешевизна.—Ученическая квартира.—Экзамень на магистра.—Перемѣны въ гимназiи.—Мои отношенiя къ товарищамъ.—Вторая половина пятидесятихъ годовъ.—Назначенiе попечителя округа Ребиндера.—Увольненiе директора Богаевского и назначенiе попечителемъ Пирогова.—Новыя вѣянiя.

Но прежде чѣмъ перейду къ воспоминанiямъ шестидесятихъ годовъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о своей личной жизни. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1850 г. я нашелъ свою забазарную квартиру крайне неудобною. Въ то время Черниговъ еще не имѣлъ мостовыхъ. Приходилось, идя въ гимназiю, переправляться черезъ базаръ, утопая чуть не по колѣна въ грязи. Я узналъ отъ учителей, что есть свободная квартира не далеко отъ гимназiи возлѣ бульвара. Это былъ домъ будущаго моего тестя Григорiя Ѳомича Терещенка. Я переехалъ на новую квартиру чуть ли не въ началѣ ноября, а уже къ концу декабря былъ своимъ человекомъ въ домѣ своего хозяина, а 28 января 1851 года вступилъ въ законный бракъ съ дочерью его Стефанiею и зажилъ семейною жизнью, о которой много мечталъ и къ которой сильно стремился. Прошли годы, появились дѣти и дѣти при томъ почти погодныя, одно за другимъ. Приходилось мнѣ на свои 32 руб. въ мѣсяцъ содержать семью, съ неизбѣжнымъ штатомъ нянь и прислуги. Мы жили на наши маленькiя средства, не входя въ долги, главнымъ образомъ благодаря тому

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1911 г.

обстоятельству, что имѣли квартиру въ домѣ тестя бесплатно. Кромѣ того въ началѣ пятидесятихъ годовъ до Севастопольской войны цѣны на жизненные припасы въ Черниговѣ были чрезвычайно дешевы. Такъ десятокъ яицъ покупался за 5 к., фунтъ масла 10 к., сала $7\frac{1}{2}$ к., курица $7\frac{1}{2}$ к., гусь $12\frac{1}{2}$ к., пудъ печенаго хлѣба 25 к., мясо 2 и недороже 3 коп. за фунтъ и так. дал. Деньги на базарахъ считались на монету, то есть четвертакъ за рубль, ассигнаціями или на монету, а рубль серебромъ за четыре рубля ассигнаціями.— Не смотря однако на дешевизну, 32 руб. въ мѣсяцъ было весьма мало для содержанія семьи въ теченіе мѣсяца. По необходимости пришлось подумать о другихъ средствахъ добыванія денегъ. Я открылъ у себя ученическую квартиру, которая мало по малу начала давать до тысячи рублей въ годъ. Деньги эти однако всецѣло употреблялись на расходы по содержанію учениковъ. Мы только выигрывали въ томъ отношеніи, что меньше нуждались, меньше стѣснялись въ своемъ продовольствіи, такъ какъ первымъ долгомъ считали кормить хорошо чужихъ дѣтей. Съ своей стороны время содержанія ученической квартиры я считалъ лучшей эпохой своей жизни, а потому любилъ своихъ питомцевъ и проводилъ съ ними большую часть своего времени, уча ихъ и самъ уча. Дѣти также относились ко мнѣ весьма искренно и сердечно. Въ лѣтнее время, по воскресеніямъ, мы часто отправлялись на прогулки, которыя еще болѣе насъ сближали другъ съ другомъ. Въ матеріальномъ отношеніи я впрочемъ мало выигралъ. За все время содержанія учениковъ, въ теченіе пяти лѣтъ, я сберегъ всего двѣсти рублей и то благодаря брату Михаилу, который жилъ у меня на квартирѣ и по временамъ удѣлялъ понемногу денегъ отъ своего избытка. Изъ этихъ-то денегъ мы и успѣли съ женою сдѣлать маленькое сбереженіе.

Между тѣмъ при всемъ улучшеніи моего матеріальнаго положенія, я не чувствовалъ твердой почвы подъ ногами. На продолженіе преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ я, правду сказать, сталъ мало надѣяться. Готовъ былъ перейти на другой предметъ, но все какъ-то не случалось вакансін, да и просить не хотѣлось: боялся отказа: такъ какъ не былъ специалистомъ по другимъ предметамъ гимназическаго курса, хотя съ перваго же года своей службы постоянно безмездно преподавалъ въ параллельныхъ классахъ и другіе предметы сверхъ 12-ти обязательныхъ уроковъ по законовѣдѣнію. Случалось преподавать и географію, и исторію, и славянскій языкъ.—Чтобы выйти изъ неопредѣленнаго положенія, я держалъ въ 1855 г. экзамень на магистра гражданскаго права и выдержалъ его; но получивши степень, засѣлъ безвыѣздно въ Чер-

ниговѣ. Долго я ждалъ, что мнѣ предложатъ кафедру, но такъ и не дождался. Просить же кого-либо, ѣздить въ Кіевъ я не рѣшался и такъ дотянулъ до конца пятидесятихъ годовъ, когда юридическій факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ сразу укомплектовался новыми профессорами. Я долженъ былъ отказаться отъ всякихъ надеждъ на профессорство и посвятилъ себя педагогич.

Много переменъ произошло въ Черниговской гимназіи съ 1851 г. Старики педагоги—герои на зеленомъ полѣ—почти всѣ выбыли изъ Чернигова. Понаѣхали новые молодые люди, съ которыми я скоро сошелся. Мы зажили дружно, сходясь одинъ у другого по очереди почти каждую недѣлю и при томъ съ болѣе серьезными цѣлями: то для изученія англійскаго языка, то для литературныхъ бесѣдъ, то просто, чтобы побесѣдовать о разныхъ интересовавшихъ насъ текущихъ вопросахъ. Случалось по временамъ, что мы садились поиграть и въ преферансъ по десятой. Но эта игра была однимъ препровожденіемъ времени и не возбуждала ни пристрастія, ни страстей. Все дѣло оканчивалось пустяками.

Скоро однако это мирное теченіе нашей жизни быстро измѣнилось. Подули новые болѣе теплые сѣверные вѣтры, начались новыя теченія. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II начались реформы, которыя сразу оживили русское общество. Всѣ чего-то ждали, чего-то надѣялись, къ чему-то стремились. Оживленіе сдѣлалось замѣтнымъ даже въ нашей скромной средѣ, чуждой политики. Первое отрадное явленіе, возбуждившее горячее сочувствіе съ нашей стороны, было назначеніе на постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа особаго лица, вмѣстѣ генералъ - губернатора. Попечителемъ назначенъ дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Романовичъ Ребиндеръ. Изъ Петербурга онъ ѣхалъ на должность въ Кіевъ лѣтомъ 1856 г. черезъ Черниговъ. Прибывши на почтовую станцію, Ребиндеръ немедленно отправился въ гимназію и зашелъ въ пансіонъ. Былъ воскресный день. Директоръ уѣхалъ въ свое имѣніе, а исправлявшій его должность инспекторъ Ю. И. Герасименко отправился за городъ въ Бобровицу къ бывшему инспектору Савину поиграть въ карты. Надзиратель дежурный также ушелъ въ городъ. Ученики оставались одни и встрѣтили попечителя, какъ постороннее лицо, не прекращая шалостей. Къ счастью одинъ изъ надзирателей, хотя и не дежурный, явился въ пансіонъ и кое-какъ выручилъ попечителя изъ затруднительнаго положенія. Дали знать инспектору. Прилетѣлъ бѣдняга домой, быстро облачился въ мундиръ и явился начальнику на почтовой станціи. Ребиндеръ первымъ дѣломъ заявилъ, что не въ формѣ сущность обязанностей педагога, а главное въ добросовѣстномъ служеніи дѣлу. Слухъ о такомъ приѣмѣ и сло-

вахъ новаго попечителя насъ немало порадовалъ и не потому, что мы злорадствовали инспектору, а главнымъ образомъ потому, что въ словахъ попечителя мы усматривали зарю новыхъ порядковъ. И дѣйствительно! Не прошло и мѣсяца, нашъ библиоманъ директоръ, смотрѣвшій на гимназію, какъ на аренду, подалъ въ отставку и вскорѣ былъ замѣненъ новымъ директоромъ. Второе отрадное послѣдствіе вступленія Ребиндера въ должность попечителя было паденіе власти канцеляріи управленія округомъ, такъ какъ Ребиндеръ взялъ все дѣло въ свои руки. Всесильный правитель дѣлъ А. А. Лазовъ долженъ былъ сойти со сцены. Правда, въ дѣятельности новаго попечителя были и свои недостатки: это какая-то нервность, подозрительность, скрытность и вообще качества, которыя могли быть хороши для градоначальника Кяхты, но не совсѣмъ гармонировали съ педагогическимъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе появленіе Ребиндера представляетъ отрадный фактъ въ исторіи учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа.

Назначенный директоромъ на мѣсто Богаевского Егоръ Васильевичъ Гудима, родомъ малороссъ, но служившій въ Петербургѣ. Онъ оказался человѣкомъ, повидимому, простымъ и доступнымъ, но довольно однако хитрымъ. Строго говоря, его управленіе гимназіи въ общемъ не измѣнило старыхъ порядковъ; но Гудима умѣлъ все скрасить своею наружною покладливостью и нѣкоторымъ оттѣнкомъ либерализма. Къ тому же Гудима засѣлъ въ Черниговѣ постоянно и сталъ къ гимназіи ближе прежняго начальства. Имѣя самъ дѣтей въ гимназіи, онъ сталъ въ болѣе гуманныя отношенія и къ прочимъ учащимся, что немало повліяло на смягченіе стараго режима, становившагося, благодаря новымъ вѣяніямъ, анахронизмомъ. Начали меньше сѣчь учениковъ. Это ни чуть не имѣло послѣдствіемъ ухудшенія поведенія учениковъ, какъ предсказывали наши консерваторы, и въ числѣ ихъ инспекторъ Герасименко. Директоръ Гудима любилъ приглашать къ себѣ учителей и угощалъ то разговорами, то картами. Однако несмотря на всю любезность его, мы все-таки держали себя въ сторонѣ. Главною причиною было недовѣріе, происходившее вслѣдствіе того, что Гудима окружилъ себя любимцами, не пользовавшимися нашими симпатіями, а еще болѣе то, что эти послѣдніе, чувствуя свою силу, позволяли себѣ чваниться своею близостью къ начальству и смотрѣли на товарищей свысока. Немало смущало насъ также и то, что и новый директоръ остался вѣрнымъ привычкамъ стараго директора-помѣщика въ отношеніи гимназическаго хозяйства. Онъ также всѣ суммы получалъ на руки и, расходуя ихъ по своему усмотрѣнію, косился на членовъ совѣта, которые хотѣли быть блюстителями законности;

не любилъ, когда учителя не подписывали кассовыхъ книгъ, не читая. Но ясно было, что времена и нравы измѣнились. Между нами появились храбрецы, которые по повременамъ уклонялись отъ подписи книгъ подъ разными предлогами. Я съ своей стороны считалъ возможнымъ довѣрять дирекціи. Правда, ходили между нами разные толки и слухи, наприм., что директоръ ѣздитъ на казенныхъ лошадяхъ и проч., но все-таки только темныя подозрѣнія. А какъ я всегда держался правила основывать свои заключенія только на фактахъ, то, при всемъ омерзѣніи ко всякой противозаконной наживѣ, укоренившемся во мнѣ по случаю дурного кормленія въ университетѣ, я никакъ не могъ заставить себя начать борьбу изъ-за дрязговъ, а тѣмъ менѣе былъ способенъ возбуждать товарищей къ оппозиціи противъ власти.

Знаменіемъ новаго направленія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и въ русскомъ обществѣ было поднятіе значенія гимназическихъ совѣтовъ. Начались правильныя засѣданія этихъ учреждений, долго существовавшихъ почти номинально. На засѣданіяхъ совѣта Черниговской гимназіи начали возбуждаться частію самостоятельно, а частію по инициативѣ округа разные педагогическіе вопросы. Прежде всего и болѣе всего заинтересовалъ педагоговъ вопросъ чисто личнаго свойства—это вопросъ объ увеличеніи содержанія служащихъ въ гимназіи. Результатомъ общихъ жалобъ на недостатокъ жалованья и отвѣтомъ на наши горячія желанія былъ штатъ гимназій 1857 г., по которому жалованье старшихъ учителей возвышено съ 32 до 49-ти рублей въ мѣсяць.

Между тѣмъ Ребиндеръ перемѣщенъ въ Петербургъ на должность директора департамента народнаго просвѣщенія, а на его мѣсто назначенъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Вступленіе въ должность Пирогова ознаменовалось новымъ оживленіемъ дѣятельности совѣтовъ. Изъ множества вопросовъ, предлагавшихся въ то время на обсужденіе совѣта Черниговскій гимназіи, самое важное мѣсто занимали: 1) вопросъ объ экзаменахъ; 2) о наказаніяхъ учащихся и 3) разсмотрѣніе проекта устава гимназій.

1. По прежнимъ правиламъ объ экзаменахъ преподаватели обязаны были ежемѣсячно подавать вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Съ мая по 22 іюня производились экзамены окончательные и переводные. Затѣмъ изъ годовичныхъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ дѣлались средніе ариѣметическіе выводы. При чемъ получившіе въ среднемъ выводѣ отмѣтку $2\frac{1}{2}$, т. е. другими словами имѣющіе половину отмѣтокъ неудовлетворительныхъ (2) удостоивались въ 7-мъ классѣ аттестата, а въ прочихъ классахъ—перевода въ высшій классъ. Важную роль играло при всѣхъ этихъ выводахъ раздѣленіе

предметовъ на главные и побочные или второстепенные. Главными предметами считались: законъ Божій, русскій языкъ, латинскій языкъ, русская географія, русская исторія, ариѳметика, геометрія, законовѣдѣніе и естествовѣдѣніе; остальные предметы и новые языки были второстепенными. По первымъ предметамъ въ общемъ выводѣ для аттестата и для перевода требовалось 3, по остальнымъ—2. Такимъ образомъ можно было удостоиться аттестата при цѣлой полдюжинѣ двоекъ, т. е. при успѣхахъ, строго говоря, весьма посредственныхъ. Другой недостатокъ прежняго порядка заключался въ томъ, что рѣшающее значеніе при переводѣ учениковъ и удостоеніи аттестатовъ имѣлъ ариѳметическій выводъ, выводимый чисто механически изъ цифръ, нерѣдко имѣвшихъ случайный характеръ. Это въ особенности можно было сказать о ежемѣсячныхъ отмѣткахъ, ставившихся нерѣдко наобумъ; такъ какъ при краткости времени трудно было составить болѣе или менѣе основательное мнѣніе о познаніяхъ ученика, въ особенности по предметамъ, по которымъ назначалось не болѣе двухъ уроковъ въ недѣлю. Пироговъ въ особенности указывалъ на то, что экзамены отнимали много учебнаго времени совершенно непроизводительно. Совѣтъ Черниговской гимназіи потратилъ на обсужденіе вопроса объ экзаменахъ не мало времени. Происходили большіе дебаты, но согласились наконецъ всѣ, что ежемѣсячная подача вѣдомостей невозможна и что ее слѣдуетъ замѣнить вѣдомостями по третямъ года. Во-вторыхъ, признали необходимымъ отмѣнить раздѣленіе предметовъ на главные и неглавные и рѣшили по всѣмъ предметамъ требовать равно удовлетворительныхъ свѣдѣній. Нельзя сказать, чтобы такое мнѣніе было самостоятельнымъ. Оно, такъ сказать, носилось въ воздухѣ, такъ какъ до Чернигова уже дошли слухи, что Пироговъ выражалъ подобныя же мнѣнія. При томъ проектированный порядокъ былъ крайне простъ и для учителей необременителенъ; а это тоже не послѣднее дѣло. При всемъ либерализмѣ мы прежде всего себя не забывали и хорошо умѣли маскировать личный интересъ соображеніями объ общей пользѣ.

2. Второй вопросъ о взысканіяхъ съ учащихся поручено было совѣтомъ мнѣ лично разработать и, признаюсь, я не мало потрудился сначала надъ выработкой предварительныхъ соображеній или основаній для правилъ о взысканіяхъ, а за тѣмъ и самихъ правилъ. Счастливымъ было то время! Изъ воспоминаній дѣтства собственнаго и изъ наблюденій тѣхъ милыхъ порядковъ, какіе существовали въ Черниговской гимназіи, я достаточно могъ убѣдиться, что въ школѣ не признается личность человѣческая. Крѣпостническій взглядъ со стороны учителей и начальства на учениковъ, какъ

на безусловное орудіе нашей воли, а иногда и просто нашего самодурства, всегда меня странно возмущалъ. Принимаясь за составленіе новыхъ основаній для отношеній въ школѣ, я радовался прежде всего, что мнѣ быть можетъ суждено и съ своей стороны принести извѣстную долю труда для огражденія права личности человѣческой въ дѣтяхъ. Болѣе всего огорчало меня то, что ученикъ, отданный родителями на попеченіе гимназіи, поступивъ въ заведеніе, былъ совершенно беззащитнымъ отъ произвола начальства и учителей. Такое положеніе его было тѣмъ болѣе несправедливо, что ни начальство, ни учителя не трудились стать близко къ дѣтямъ, узнать ихъ нужды и потребности, а по большей части относились поверхностно, свысока, чисто формальнымъ образомъ. При томъ по большей части учителя никакъ не могли себѣ уяснить того простого положенія, что не дѣти для школы, а школа для дѣтей. Какъ помѣщики смотрѣли на крестьянъ, такъ по большей части педагоги смотрѣли на дѣтей, имѣвшихъ несчастіе подпасть подъ ихъ фѣрулу. Въ своей запискѣ при обсужденіи предварительныхъ основаній для правилъ о взысканіяхъ я рѣшился стать на сторонѣ учениковъ и выдвинулъ вопросъ о личности, о нравственной свободѣ ученика, о вмѣняемости и о законной защитѣ ученика. Много было написано жалкихъ словъ въ защиту учащихся и въ обличеніе учащихся и власть имущихъ. Но благодаря новымъ вѣяніямъ доводы мои не встрѣтили оппозиціи ни въ учителяхъ, ни въ начальствѣ. Рѣшено всѣ мои соображенія и составленный мною проектъ правилъ взысканій представить на благоусмотрѣніе попечителя округа. Пирогову мой трудъ, повидимому, пришелся по душѣ. По крайней мѣрѣ, публикуя новыя правила о взысканіяхъ въ циркулярѣ по округу, онъ предпослалъ правиламъ мою записку, помѣстивъ ее цѣликомъ въ циркулярѣ.

3. Не мало мы потрудились и надъ обсужденіемъ новаго проекта уставъ гимназій, значительно приумноживъ тотъ сырой матеріалъ, который по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ собранъ и напечатанъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ названіемъ: „Сборника замѣчаній на проекты устава“. Мы главнымъ образомъ въ своихъ запискахъ старались доказать всю несостоятельность бифуркаціи гимназіи или проще: говорили противъ двойственности направленія образованія въ тогдашней гимназіи, въ которой дѣти 13-ти лѣтъ должны были рѣшать весьма важный для нихъ въ будущемъ вопросъ: слушать ли законовѣдѣніе и отказаться отъ университета, или напротивъ готовиться къ поступленію въ университетъ, гдѣ въ то время отмѣненъ былъ комплектъ, и двери для всѣхъ желающихъ были раскрыты широко. Мы доказывали, что при

такомъ положеніи воспрещеніе нѣкоторымъ окончившимъ курсъ по законовѣдѣнію поступать въ университетъ въ высшей степени несправедливо. Досталось выслушать при этомъ не мало упрековъ противъ самаго существованія законовѣдѣнія въ курсѣ гимназическомъ. Признаюсь, я не только не защищалъ своего предмета, но старался доказать всю неумѣстность своего преподаванія въ системѣ общаго образованія, несмотря на то, что не могъ не сознавать, что съ принятіемъ моихъ доводовъ мнѣ грозитъ лишеніе службы и что я, оставшись за штатомъ, долженъ буду немало пострадать вмѣстѣ съ моей семьей. Но такова уже сила вещей: съ нею ничего не подѣлаешь!

А. Ө. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

